

протест в Ревкомы и комитеты РКП (б) по поводу создания Увоенкомом препятствий для деятельности рабочей инспекции [1, л.64 об.]. В сентябре 1920 г. профсоюзы заявляют протест относительно событий вокруг Дома Советской Армии, в частности занятия его помещений [2, л.2-2а].

Период от I Гомельского губернского съезда профсоюзов до заключения Рижского мира (июнь 1919 г. – март 1921 г.) в истории гомельских профсоюзов характеризовался борьбой разных подходов по вопросу развития профсоюзного движения в условиях советского государственного строительства и военного конфликта.

Список использованных источников и литературы

1 Протоколы президиума и пленума ГСПС (за 1919 г.). Протокол первого губсъезда профсоюзов (10 июня 1919 г.) // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 433. Оп. 1. Д. 6.

2 Протоколы ГСПС (за 1920 г.) // ГАГО. – Ф. 433. Оп. 1. Д. 128.

3 Протоколы губпрофсовета и переписка с губпрофсоветом // ГАГО – Ф. 433. Оп. 1. Д. 130.

4 Протоколы заседаний Гомельского губернского профессионального Совета // ГАГО. – Ф. 433. Оп. 1. Д. 129.

УДК 94(476+477) 344.222 «1918/1929»

М. И. СТАРОВОЙТОВ

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЫ (1918–1929 ГОДЫ)

В статье рассмотрены национальные и межгосударственные факторы формирования белорусско-украинской границы в период оформления белорусской и украинской государственности, а так же в период создания и укрепления белорусской и украинской советских республик.

Обозначенная проблема в том или ином контексте нашла отражение в отечественной и зарубежной историографии. Тем не менее, некоторые аспекты требуют большей детализации и

конкретизации. Соблюдая хронологический подход, попытаемся, с учетом возможного объема публикации, восстановить последовательность и пути решения вопросов об определении и урегулировании белорусско-украинской границы в указанный период.

В 1917 г. в Западных окраинах бывшей Российской империи актуализировалась проблема национально-государственного строительства, когда встала необходимость решать триединую задачу: население, территория, границы. Это первооснова государственной геополитической модели, предложенной автором еще в 1998 г. [1].

Мы неоднократно обращали внимание на то, что научная концепция белорусской этнической территории впервые была разработана Е. Карским в самом начале XX в., т. е. в период начавшегося процессом формирования белорусской нации. Авторитетным исследователем «белорусского вопроса», по мнению М. Довнар-Запольского, являлся Е. Карский. Это, очевидно, явилось основанием того, что российское правительство выделило ему 500 руб. для исследования белорусских этнолингвистических проблем. Есть основание считать, что эти проблемы возникли в связи с проводимой обработкой материалов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В 1902 г. Е. Карским по распоряжению императорской Академии наук опубликовал брошюру «К вопросу об этнографической карте белорусского племени» Она начинается предложением «Основой для определения границы Белорусской области у нас исключительно служит язык». И далее. «Границы области, в которой раздается белорусская речь, легче всего определяются на западе...» [2, с. 1]. В 1903 г. был издан 1-й том его фундаментального труда «Белорусы». В декабре 1917 г. по распоряжению Российской АН Е. Карский опубликовал для ознакомления брошюру с картой «Этнографическая карта белорусского племени». В предисловии он отмечает, что карта не совсем отвечает инструкции «Комиссии по изучению племенного состава населения России» (он работал в составе этой комиссии – М. С.), т. к. в ней указаны лишь границы белорусского племени и языка, но нет обозначения особыми красками и процентных отношений разных народностей к преобладающему племени. Легче всего подсчитать проценты белорусов в городах, чем в уездах, но в уездах южных и западных границ белорусской территории «число белорусов больше 50%, иногда достигает и 100%». Здесь он приводит данные переписи 1897 г. по уездам Минской губернии. в которой белорусы абсолютно преобладали в составе её населения, в т. ч. по Пинскому уезду – 74,3%, Мозырскому – 79,2% и Речицкому – 82,5% [3, с. V]. В этом издании он анализирует все

доступные источники и особенно соответствующие тома переписи 1897 г. По Минской губернии, отмечает Е. Карский, статистические сведения применительно к переписи 1897 г. «представлены в общем довольно правильно» [3, с. 14]. Аналитические работы Е. Карского свидетельствуют о его большом вкладе в разработку белорусского вопроса.

Как активный участник I-го Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.) он не только выступал на нем, но и по предложению Белорусского Областного Комитета подготовил брошюру на основе своего доклада, сделанного на съезде, по белорусскому языку для широкого распространения и для руководства деятелей белорусского движения. Карский в заключение этой брошюры отмечает, что есть еще говоры переходные от белорусских к южно/северовеликорусским и малорусским, но это вопрос еще мало разработан в науке. В основе речи большинства белорусских писателей имеется сильно акающий отдел югозападных говоров [4, с. 3, 59].

Большая часть исследователей, как и автор этих строк считают, что в III Уставной грамоте при определении территории БНР за основу бралась концепция Е. Карского. У белорусов уже была карта Е. Карского. В 1917 – 1918 гг. свои территориально-пограничные вопросы с помощью картографии решали поляки, литовцы, украинцы. В 1916 г. в Польше был опубликован атлас куда вошли и карты, в которых учитывались сложные национальные и конфессиональные ситуации на территориях Белоруссии, Литвы и Украины. Литовцы опубликовали цветную карту. Украинский географ и картограф С. Родницкий издал в 1918 г. в Вене «Оглядовую карту українських земель», в которой Брестчина, Западное и Восточное Полесье входило в состав украинской державы [5, с. 85–86]. Есть основание считать, что данная карта издана под ситуацию, связанную с проблемами заключения Брестского мира.

Несомненно, лидеры белорусского движения были знакомы с концепцией и работами Е. Карского, но бессознательно или сознательно, на наш взгляд, они допустили существенную неточность в определении юго-западной границ, а, следовательно, и территории БНР. Все исследователи цитируют текст III Уставной грамоты, где указано: «Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе живе і мае лічбэнную перавагу беларускі народ, а ласне: Магілеўшчыну, беларускія часьці Міншчыны, Гродзеншчыны (з Гроднай, Беластокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смаленшчыны, Чарнігаўшчыны і сумежныя ачсьці суседніх губерняў, заселяных беларусамі» [6, с. 62–63]. Не

обращается внимание на одну существенную деталь. Почему о Минской губернии указано «беларускія часьці»? На наш взгляд, ответ следует искать в геополитических событиях произошедших несколько месяцев раньше.

В статье «Украина и Брестский мир» известный украинский историк В. Ф. Солдатенко в 2008 г. дал, на наш взгляд, достаточно аргументированную оценку деятельности УНР в период подготовки и подписания Брестского мира. После провозглашения в Киеве 7(20) ноября 1917 г. УНР, она оказалась в эпицентре не столько политических, сколько экономических интересов. Центрально европейские государства (ЦЕГ) пристально следили за событиями в национальных регионах Советской России. Это хорошо видно на примере взаимодействий Германии и Австро-Венгрии с УНР, которая оказалась в конфликте с Советской Россией. С первых дней контактов ЦЕГ дали понять, что для участия в Брестской мирной конференции необходимо официально провозгласить независимость УНР и «начали оказывать давление на Киев» [7]. Руководитель иностранного ведомства УНР А. Шульгин 26 декабря 1917 г. говорил, что «незалежність нам підсовуюють німці і тому її не треба оповіщати», предлагал «помиритися с большевиками». А сторонникам немедленного провозглашения независимости генеральный секретарь отвечал: «...Німці признають незалежність України, але за це виторгують собі всі економічні впливи. З німецького боку насувається на нас велика небезпека. Треба спертися на всі живі сили Росії – нові республіки» [7]. М. Гофман прямо предложил украинским делегатам на переговорах провозгласить полную независимость. Это и привело к принятию 11 января 1918 г. IV Универсала о независимости УНР. Страшная «брюквенная зима» 1916-1917 гг. заставила «венское и берлинское правительства все настойчивее требовали от своих дипломатов не возвращаться с конференции без хлеба» [7]. На переговорах в Бресте делегаты УНР постоянно испытывали давление со стороны руководителей австро-венгерской и немецкой делегаций О. Чернина и Р. Кюльмана. После консультаций в Берлине они получили задание от генерала Людендорфа подписать мирный договор с делегацией Центральной Рады, которая уже не контролировала ситуацию на Украине после Киевского восстания. Вернувшись в Брест-Литовский 27 января (9 февраля) они подписали мир с украинской делегацией. Это не торгово-коммерческая сделка, как считают некоторые, а решающий фактор, т. к. без украинского зерна Австро-Венгрии грозил голод.

Неопровержимым, считает В. Солдатенко, является и то, что если бы Германия и Австро-Венгрия не получили очевидной экономической корысти (вероятно, стоит вспомнить, что на основе выработанного смешанного специальной экономической комиссией соглашения в апреле 1918 г. Украина должна была поставить Германии 400 млн. штук яиц, 2,75 млн. пудов мяса (в живом весе), 37,5 млн. тонн руды и еще много сырья), что давало возможность снять внутреннее напряжение в этих голодающих странах, то едва ли государства Четверного союза вообще подписали бы какое-либо соглашение с УНР [7]. Вена цинично шантажировала и добилась существенного пересмотра тайного соглашения о Холмщине в пользу поляков, грубо нарушая научно-этнографический принцип. Для достижения цели Берлин и Вена фальсифицировали «большой договор», подписанный в Бресте 27 января 1918 г. Отмечая это, В. Солдатенко пишет, что недалеко от истины был А. Деникин, считавший, что в основу своей экономической политики Германия положила принцип: «...для данного момента – выкачивание из Украины по возможности наибольшего количества сырья, для чего был запрещен или усложнен товарообмен с соседями, даже с оккупированной немцами Белоруссией; на будущее – захват украинского рынка... овладение или подрыв украинской промышленности и искусственное образование значительной задолженности Украины» [7].

По договору от 27 января (9 февраля) 1918 г. часть Западного Полесья с белорусским населением, находившаяся под немецкой оккупацией, была передана УНР. После срыва переговоров в Бресте германские войска заняли практически всю территорию Белоруссии. В конце марта УНР официально передали и Восточное Полесье: Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды. Из них в составе УНР была образована административная единица – Дреговичская земля с центром в Мозыре. Эти события совпали с принятием 25 марта в оккупированном Минске национально ориентированными политическими силами в лице Народного секретарита БНР III уставной грамоты, в которой провозглашалась независимость БНР [8, с. 191].

В III уставной грамоте определена и территория БНР. Могилевщина включалась целиком, но почему от Минщины включались только белорусские части? Лидеры БНР не могли не знать, какие территории отошли к УНР. Есть основание полагать, что часть из них проявляла инициативу (несмотря на известные отношения к ним и к БНР оккупационных властей) и путем объявления независимости 25 марта 1918 г. стремилась получить,

если не преференции, то хотя бы формальную или даже реальную поддержку как это получила УНР или Литовская Тариба. Белорусский вопрос Германию не интересовал. Решение и посылка телеграммы кайзеру Вильгелму привели к еще большему расколу в белорусском движении [9, с. 363–364]. Германия не была заинтересована в существовании БНР [10, с.105]. Позднейшие оправдания таких действий как поиск помощи белорусскому народу несколько наивно, т. к. уже в апреле 1918 г. всем стало понятно, чего хотели от украинского народа австрийцы и германцы. Второй и более важный довод. Германия и УНР решали свои вопросы путем включения в состав УНР территорий с абсолютным преобладанием белорусского этноса тоже «грубо нарушая научно-этнографический принцип». Австро-германские военные верхи, откровенно пренебрегая действующей украинской властью, поставили перед собой цель сменить ее, что привело к государственному перевороту 29 апреля 1918 г., ликвидации УНР и приходу к власти гетмана П. Скоропадского. Переговоры о границах зашли в тупик. Лидеры БНР это поняли с большим опозданием. По образному сравнению И. Михутиной в украинском Брестском мире Украинская центральная рада сыграла роль «джокера».

На переговорах об украинско-белорусской границе между БНР и УНР в конце апреля начале мая 1918 г. шла речь и о территориях Гомельщины, Могилевщины, Черниговщины. Против присоединения к Украине высказались в Гомельской городской думе, союзы земельных собственников Гомельского, Речицкого, Мозырского и Пинского уездов [6, с. 108-113]. Более определенно высказалось население волостей Климовичского уезда и прилегающих местностей Черниговской губ. Нами выявлено 22 протокола и резолюции собраний и сходов, прошедших в июне 1918 г., с протестами против предполагаемого присоединения неоккупированных территорий к Белоруссии, Украине или Германии. Население единогласно высказалось за поддержку ЦИК и СНК России, за нахождение в ее составе и просило передать свои решения мирной делегации для соответствующего заявления Киеву и Германии [11, лл. 134–153]. Очевидными были претензии Украины на южную территорию, которую, как считал М. В. Довнар-Запольский, никак нельзя было отдавать Украине, учитывая, что украинцы захватили Гомель, Мозырь, Речицу. Пытавшиеся решать пограничную проблему с УНР в период этих переговоров представители БНР отмечали отстаивание украинцами линии Брест-Брянск из стратегических соображений под диктовку немцев [6, с.121–122].

После ноябрьских событий 1918 г. сторонникам государственной независимости Украины и Белоруссии пришлось искать другие пути.

Руководство БССР и УССР юридически оформило урегулирование межреспубликанской государственной границы без претензий на южную часть белорусской этнотерритории.

Оформление межреспубликанской государственной границы между БССР и УССР проводилось в 1924 – 1929 гг. Президиум ВУЦИК УССР 5 марта 1924 г. поручил Центральной административно-территориальной комиссии (ЦАТК) «подготовить материалы на предмет пересмотра границ УССР с БССР и РСФСР по принципу национального и экономического тяготения и присоединения прилегающих к УССР районов» [12, л.311].

Президиумом ЦИК СССР для урегулирования границ между РСФСР, УССР и БССР была создана комиссия (далее Комиссия) из представителей трех республик. На заседании Комиссии 1 июля 1924 г. украинская делегация предложила для урегулирования границы между БССР и УССР включить в состав УССР небольшую часть территории бывшей Минской губернии, находящейся на правом берегу р. Словечна, а в состав БССР – часть территорий соседних волостей Волынской губернии УССР [13, с. 402]. Был определен этнографический принцип при решении вопросов установления границ между республиками. Рекомендовалось учитывать и экономическое тяготение и удобство административно-территориального управления территорий. Предложенный УССР проект Комиссия рекомендовала рассмотреть президиумам ЦИК РСФСР и БССР [10, с. 54]. По постановлению Президиума ЦИК БССР от 25 июля 1924 г. СНК должен был подготовить материалы для окончательного решения вопросов, поднятые правительством Украины. Через неделю бюро ЦК КП(б)Б поручило Президиуму ЦИК «приступить к урегулированию границ между УССР и БССР на основе предложений украинской делегации» и дать заключение по затрагиваемым вопросам [14, лл. 370, 378; 15, л.299].

На заседании СНК УССР 14 августа 1924 г. был утвержден проект по урегулированию внешних границ УССР с БССР и РСФСР. Среди справок и документов в деле имеется статья профессора Д. М. Багалия, где указан 50% критерий при учете этнического фактора для определения территория проживания того или иного населения [16, лл. 29, 59–85]. Хотел бы обратить внимание на то, что критерий в 50% был предложен Е. Ф. Карским еще в 1917 г. и использовался многими центральными и местными комиссиями, о чем автор данной статьи неоднократно писал. В документе в п. а)

указано о передаче в состав Волынской губернии. небольшой части Минской губубернии. В пп. б), в) и г) указывались части трех конкретных украинских волостей с урочищами и хутарами, передоваемых в состав БССР [16, лл. 30–48].

Вопрос «Об исправлении границы между БССР и УССР» рассмотрели на заседании СНК БССР 8 октября 1924 г. Было дано согласие на включение частей обозначенных волостей Коростенского округа в состав Туровского, Лельчицкого и Королинского районов Мозырского округа, южную часть которого тяготела к Овручу и передавалась Волынской губернии. Данное решение полежало утверждению Президиумом ЦИК БССР [17, лл. 97–99]. Только 21 октября 1924 г. Комиссия рассмотрела вопрос «Об установлении границы между УССР и БССР» по пп. а), б), в), г). [16, лл. 88, 128]. Согласование о выпрямлении границы между УССР и БССР начали 10–18 февраля 1925 г., чтобы завершить землеустройство до весенних полевых работ [16, лл. 133–135].

Различного рода комиссии, назначаемые партийными и советскими органами, по усовершенствованию административно-территориального деления и районированию работали как в БССР, так и в УССР. Менялось старое административно-территориальное управление на новую трехзвенную систему. Комиссии, работавшие по этому направлению, не всегда укладывались в установленные сроки. Без решения этих вопросов не возможно было решать и вопросы, связанные с урегулированием межреспубликанской границы.

ВУЦИК УССР 23 сентября 1925 г. обратился в секретариат ЦИК СССР на предмет первоочередного прохождения проекта об урегулировании границ [18, л. 23]. Президиум ЦИК СССР на основании п. б ст.1-й и ст. 6-й Конституции СССР постановлением от 16 октября 1925 г. утвердил изменения границ между УССР и БССР (далее Постановление) [19, с. 183-184].

Представителями сторон 19 марта 1926 г. в г. Мозыре был подписан акт по уточнению административных границ между Мозырским округом БССР и Коростеньским округом УССР. В документе указаны населенные пункты с населением и десятины земли передоваемые в соответствующие районы. «В целях ликвидации возникающих земельных споров между крестьянами обеих сторон возбудить вопрос о проведении землеустроительных работ в текущем операционном году». Не позднее 15 апреля территории с населением должны быть переданы [13, с. 324–326].

Положительное решение об установлении границы приёмно-сдаточной комиссией (председатель комиссии, председатель

Коростенского ОИК И. И. Народицкий) было принято 8 апреля в г. Выступовичи Коростеньского округа. Однако, 23 апреля от него в ЦАТК УССР поступила докладная записка о том, что на практике невозможно провести границу между УССР и БССР по линии, указанной в Постановлении ЦИК СССР от 16.10. 1925 г., т. к. население украинских сел (указаны 3 села) теряют 4 000 дес. сенокосов, которые находятся на расстоянии 20–30 верст по обе стороны границы и отходят к БССР, а села остаются в УССР. Такое явление наблюдается и при передаче от БССР Засинцовского с/с, а от УССР Копищанского с/с. Это вызовет недовольство населения, а «каждою весною на этой территории будут постоянные драки...». Землеустройством положение не исправить, т. к. одни сенокосы, а полевых земель нет. Высказана просьба о ходатайстве перед ЦИК СССР о пересмотре постановления Комиссии в сторону его отмены. [13, с. 328–329]. Началось очередное изучение поднятых вопросов.

В ответ на запрос ВУЦИКа президиум ЦИК БССР 26 июня 1926 г. принял постановление. В нем отмечалось, что пункты переходят с землями, которыми пользовалось население, а в случае глубокого вклинивания в территории дрогой республики вопрос целесообразно обсудить еще раз. Решение всех вопросов было возложено на НКВД БССР [13, с. 336]. В связи с рассмотрением этих проблем, Наркомзем БССР подтвердил действительность фактов в указанных И. И. Народицким и отметил, что еще в декабре 1925 г. обращал внимание на отсутствие технической возможности землеустроительные работы. Подтвердил и необходимость проведения дополнительного исследования. Для этого в комиссию включить представителя НКЗ от Мозырского окрземотдела [20, л.16].

На заседании Паритетной Комиссии ЦИК СССР 17 июля 1926 г. по урегулированию границ между РСФСР, УССР и БССР было принято постановление: «Считать вопрос о границах БССР и УССР бесспорным и исчерпанным постановлением Президиума ЦИК СССР от 16 октября 1925 г., если в течение недели...не поступит возражение сторон» [13, с. 342]. Следует отметить, что на заседании этой комиссии было принято к сведению заявление представителя Украины К. Я. Федотова, что «УССР не имеет никаких претензий в отношении территории БССР» [21, лл. 3, 5].

Оперативной реакции на это постановление нами не выявлено. Только 4 ноября 1926 г. в Коростеньскую ОАТК (копия в ЦИК БССР) поступило отношение ЦАТК, в котором указано, что 22 апреля 1926 г. была преостановлена работа ЦАТК для выяснения вопросов в Паритетной комиссии ЦИК СССР [13, с. 376, 377]. Докладная записка

И. И. Народицкого в ЦАТК УССР датирована 23 апреля (см. выше). Это, на наш взгляд, не дает основания согласиться с утверждением С. Н. Хомича, что руководство УССР решило отказаться от уже утвержденной на союзном уровне белорусско-украинской границы. [22, с. 281]. Проблемы землепользования для населения отчуждаемых территорий и «невозможность безболезненно провести осуществление постановления от 16 октября 1925 г.» дали основание Паритетной Комиссии по осуществлению постановления Президиума ЦИК СССР об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР сделать вывод о «целесообразности оставления границ между УССР и БССР ... войти в случае волеизъявления на то правительств УССР и БССР... с ходатайством о восстановлении границ... в виде, бывшем до 16/X-1925 г.». Приложен проект постановления по изменению постановления (г. Москва, 27 марта 1926 г.), в котором указывалось, что территория Зосинцовского с/с Каролинского района Мозырского округа остается в границах БССР, а деревни и территории Олевского, Словечанского и Овручского районов Коростеньского округа – в границах УССР [13, с. 382, 383].

В Минске посчитали, что вопрос окончательно не решенным и 27 ноября 1926 г. Президиум ЦИК БССР поручил НКВД в месячный срок изучить его и вынести на рассмотрение в Президиум ЦИК. В дополнение к данному постановлению 11 декабря принято еще одно постановление, в котором НКВД поручалось привлечь к работе «об окончательном изучении вопроса о границах между УССР и БССР» НКЗ БССР [23, с. 12, л. 49].

Отсутствие необходимой информации у населения ситуацию не улучшало. Так, 30 декабря 1926 г. возникло хатайство граждан Засинцевского с/с перед ЦИК БССР. Они единогласно просили оставить их на территории Белоруссии, по следующим причинам. Первое. Большинство их земли при новоустановленных границах расположено на территории Белоруссии, а при новых границах нет возможности наделения землей. До землеустройства их заставляют вести бесконечные земельные споры, тогда как существует окончательное разграничение с украинской территорией в землепользовании. Второе. Дети учились на белорусском языке, а при переходе к Украине они должны учиться на украинском, что нежелательно для нас как белорусов. Третье. «Мы не можем ни в коем случае по характеру сжиться с людьми, проживающими на Украине, по соседству населения, как носившем частые грабежи и воровство, чем может заразиться и наше молодое поколение». Вопрос против передачи сельсовета в Украину в комиссии, на собраниях, в

ходатайстве перед ЦИК БССР еще в 1925 г., но никакого ответа не получили. Экономические, культурные и бытовые интересы «тесно применены со всем остальным белорусским народом, хотя мы и знаем, что власти Украинской Республики, также рабоче-крестьянской, как и на Белоруссии, но по приведенным выше доводам мы все же тяготеем к Белорусской Республике» [20, л. 93; 23, с. 39–40]. Может и в меньшей степени, чем при решении передачи в УССР с населением Семеновской волости, но и здесь мы видим этнолингвистический фактор как основа этнотерриториальной консолидации белорусов.

Мозырский окрисполком, рассмотрев материалы и акт передаточной комиссии 3 февраля 1927 г., признал невозможным урегулировать границу по линии, намеченной постановлением Президиума ЦИК СССР от 16/X-25 г., т.к. чересполосица и запутанность землепользования между деревнями без предварительного землеустройства еще больше нарушит ведение сельского хозяйства и вызовет недовольство населения, которое в большинстве желает оставаться в границах своих республик [23, с. 47]. Через два дня НКВД БССР попросило НКЗ срочно дать информацию о том, как идут землеустроительные работы, что для этого нужно, высказать мнение о возможности проведения новых границ. В записке НКВД от 16 февраля 1927 г. в президиум ЦИК БССР сообщалось, что при повторном изучении установлено, что постановление от 16/X-25 г. соответствует целесообразности проведения этого мероприятия, но осуществление его должно быть отложено до окончательного проведения в БССР и УССР землеустроительных работ во всех населенных пунктах, которые прилегают к новой границе. Их население не желает присоединяться из-за боязни потери фактического землевладения, хотя извлечения из карт показывают, как и насколько территории вклинятся [23, с. 47–49].

В конечном итоге ЦИК БССР 5 марта 1927 г. оставил в силе постановление от 16/X-25 г. «с тем, чтобы проведение на практике новой границы осуществлялось постепенно, вместе с проводимым землеустройством по этой границе со стороны БССР и УССР». При этом НКЗ и Мозырскому ОИК поручалось, а ЦИКу УССР высказывалась просьба об ускорении проведения землеустройства на своих территориях [23, с. 50-51].

Президиум ЦИК СССР 25 ноября 1927 г. рассмотрел предложения и доводы по этому вопросу и подтвердил свое решение от 16/X-25 г. ЦИКа БССР и УССР поручалось осуществить его на практике, предварительно наделив крестьян пограничных районов землей [22, с. 281].

Процесс урегулирования небольшой пограничной территории между БССР и УССР («без претензий к белорусской стороне») занял около 5 лет по техническим и бюрократическим причинам. Этнотерриториальная граница по Е. Карскому между БССР и УССР, сложившаяся еще в условиях губернского деления, принципиальных изменений не претерпела. В 1929 г. корректировка 154,9 га или 1,5 кв. км территории решала хозяйственный вопрос, т. к. передавалась часть гослесфонда из Овручского в Ельский район [22, с. 282]. На этой территории не было населения.

Таким образом, законодательное оформление и установление межреспубликанских государственных границ между БССР и УССР было завершено в 1929г. Это свидетельствует об окончательном оформлении территории белорусско-украинского пограничья. С конца 1920-х годов и по настоящее время вопросов по межреспубликанским границам в этом регионе не позникало. Это имеет важное значение для современных суверенных независимых государств – Беларуси и Украины. Идет к завершению достаточно долгий процесс установления демаркационной линии (по современным международным стандартам) на их межгосударственной границе. Это связано с техническими проблемами, обусловленными сложностью рельефа местности .

Список использованных источников и литературы

1 Старовойтов, М. И. Метадычныя аспекты выкладання праблемы «Беларусь ва ўмовах геапалітыкі ХХ ст.»/ М. И. Старовойтов // Актуальные вопросы научно-методической работы. Материалы докладов конф. – Гомель, 1998.– Ч. 2. – С. 306–307.

2 Карский, Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е. Ф. Карский. – Санкт-Петербург: Императорская АН, 1902. – 16 с.

3 Этнографическая карта белорусского племени / Сост. Е. Ф. Карский. – Петроград: РАН, 1917. – 33 с.

4 Карский, Е. Ф. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением / Е. Ф. Карский. – Петроград, 1918. – 60 с.

5 Міхалюк, Д. Ад моўнай мяжы да дзяржаўнай: этнічныя мапы Беларусі ХІХ і пачатку ХХ стагоддзяў // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы. Матэрыялы міжнароднай навук. канф. / рэдкал.: Р. Р. Лазько (адказ. рэд.) і інш. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 74-89.

6 Архівы Беларускай народнай Рэспублікі. – Т. 1. – Кн. 1. – Вільня-Нью-Йорк-Мінск-Прага, 1998. – 869 с.

7 Солдатенко, В. Украина и Брестский мир /https://zn.ua/SOCIETY/ukraina_i_brestskiy_mir.html. – Дата обращения 18.02.19.

8 Лебедева, В. М. Белорусско-украинские территориальные проблемы в контексте становления новой государственности (весна 1918 г.). // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе: Сб. научных статей и материалов / Институт славяноведения Российской академии наук – М., Наука, 2005. С. 144–158.

9 Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с.

10 Боечко В., Ганжа О., Захарчук Б. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. К.: Основи, 1994. – 168 с.

11 Государственный архив общественных объединений Могилевской области. (ГАООМО). – Ф. 6605. Оп. 1. Д. 15.

12 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 301.

13 Государственные границы Беларуси: сб. док. и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.

14 НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 351. Т. 1.

15 НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1237.

16 НАРБ, – Ф. 6. Оп. 1. Д. 349,

17 НАРБ, – Ф. 6. Оп. 1. Д. 298.

18 НАРБ, – Ф. 6. Оп. 1. Д. 503.

19 Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дакументаў і матэрыялаў. Т.2 (1923 – 1927 гг.) / Склад. У. М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск. – 1999. 461 с.

20 НАРБ. – Ф. 34, Оп. 1, Д.805.

21 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6892. – Оп. 1. – Д. 24.

22 Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo/ С. Н. Хомич. – Минск: Экоперспектива, 2011. – 416 с.

23 Государственные границы Беларуси: сб. док. и материалов. В 2 т. Т. 2. (ноябрь 1926 – декабрь 2010) / сост.: В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2013. – 333 с.